

VI.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

*(Улица. Накрытый столъ. Нѣсколько пирующихъ
мущинъ и женщинъ.)*

Молодой человекъ.

Почтенный председатель! я напомню
О человекѣ, очень намъ знакомомъ,
О помѣ, чьи шушки, повѣспи смѣшныя,
Ошвѣшы острые и замѣчанья,
Споль ѣдкія въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостыя наша, насылаеть

На самые блестяще умы.
 Тому два дня, нашъ общій хохотъ славиль
 Его рассказы; не возможно бышь,
 Чшобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
 Забыли Джексона! Его здѣсь кресла
 Спояшь пустыя, будшо ожидая
 Весельчака — но онъ ушелъ уже
 Въ холодныя, подземныя жилища...
 Хопя краснорѣчивѣйшій языкъ
 Не умолкалъ еще во прахъ гроба;
 Но много насъ еще живыхъ, и намъ
 Причины нѣтъ печалишься. И такъ
 Я предлагаю выпишь въ его память
 Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
 Какъ будшо бъ былъ онъ живъ.

П р е д с ѣ д а т е л ь .

Онъ выбылъ первый
 Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
 Мы выпьемъ въ честь его.

Молодой человекъ.

Да будешь такъ!

(Всѣ пьютъ молча.)

Предсѣдатель.

Твой голосъ, милая, выводись звуки
 Родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершенствомъ;
 Спой, Мери, намъ, уныло и пропяжно,
 Чпобъ мы попомъ къ веселью обратились
 Безумнѣе, какъ шопъ, кшо опъ земли
 Быль оплучень какимъ нибудь видѣньемъ.

Мери *(поеть.)*

Было время, процвѣтала
 Въ мирѣ наша спорона:
 Въ воскресеніе бывала
 Церковь Божія полна;
 Нашихъ дѣшокъ въ шумной школѣ
 Раздавались голоса,
 И сверкали въ свѣпломъ полѣ
 Серпъ и быстрая коса.

Нынѣ церковь опустѣла ;
 Школа глухо заперта ;
 Нива праздно перезрѣла ;
 Роща темная пуста ;
 И селенье , какъ жилище
 Погорѣлое , споншь ;
 Тихо все — одно кладбище
 Не пустѣеть , не молчиль :

Поминушно мершвыхъ носяшь ,
 И спенаня живыхъ
 Боязливо Бога просяшь
 Упокоишь души ихъ !
 Поминушно мѣста надо ,
 И могилы межъ собой ,
 Какъ испуганное стадо ,
 Жмушся тѣсной чередой !

Если ранняя могила
 Суждена моей веснѣ ;

Ты, кого я такъ любила,
Чья любовь опрада мнѣ,
Я молю: не приближайся
Къ тѣлу Дженни твоей;
Успѣ умершихъ не касайся;
Слѣдуй издали за ней.

И попомъ оставь селенье!
Уходи куда нибудь,
Гдѣ бь ты могъ души мученье
Усладить и опдохнуть.
И когда зараза минеть,
Посыпи мой бѣдный прахъ;
А Эдмонда не покинешь
Дженни даже въ небесахъ!

П р е д с ѣ д а т е л ь .

Благодаримъ, задумчивая Мери,
Благодаримъ за жалобную пѣсню!

Въ дни прежніе чума шакая жь , видно ,
 Холмы и доли ваши посьпила ,
 И раздавались жалкія спенанья
 По берегамъ пошочковъ и ручьевъ ,
 Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
 Сквозь дикій рай швоей земли родной ;
 И мрачный годъ , въ кошорый пало сполько
 Опважныхъ , добрыхъ и прекрасныхъ жершвъ ,
 Едва оспавиль памяшь о себѣ
 Въ какой нибудь простой пастушьей пѣснѣ ,
 Унылой и пріятной... Нѣтъ ! ничшо
 Такъ не печалишь насъ среди веселій ,
 Какъ помный , сердцемъ повшоренный звукъ !

М Е Р И .

О , если бѣ никогда я не пѣвала
 Въ хижины родителей своихъ !
 Они свою любили слушать Мери ;
 Самой себѣ я , кажешся , внимаю
 Поющей у родимаго порога —

**

Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
 Былъ голосомъ невинности...

Луиза.

Не въ модѣ
 Теперь такія пѣсни! Но все жъ есть
 Еще простыя души: рады шаяшь
 Опъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
 Она увѣрена, что взоръ слезливый
 Ея неопразимъ — а если бъ поже
 О смѣхъ думала своемъ, то вѣрно
 Все бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
 Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вонъ
 Она и распоналась. Ненавижу
 Волось Шопландскихъ эпихъ желпизну.

Предсѣдатель.

Послушайте: я слышу спукъ колесъ!

*(Бѣдетъ телега, наполненная мертвыми
 тѣлами. Негръ управляетъ ею.)*

Ага! Луизъ дурно; въ ней, я думаль,
 По языку судя, мужское сердце.

Но шакъ-то : нѣжнаго слабѣй жестокой ,
 И страхъ живешь въ душѣ , спросыми шомичой !
 Брось , Мери , ей воды въ лице . Ей лучше .

М Л Р И .

Сестра моей печали и позора ,
 Прилягъ на грудь мою .

Луиза (приходя въ тувство.)

Ужасный демонъ

Приснился мнѣ : весь черный , бѣлоглазый . . .

Онъ звалъ меня въ свою шележку . Въ ней

Лежали мертвые — и лепетали

Ужасную , невѣдомую рѣчь . . .

Скажите мнѣ : во снѣ ли эшо было ?

Проѣхала ль шелега ?

Молодой человекъ .

Ну , Луиза ,

Развеселись : хошь улица вся наша

Безмолвное убѣжище отъ смерти ,

Прююшь пировъ ничѣмъ невозможимыхъ ,

Но знаешь ? эша черная шелега

Имѣешь право всюду развѣзжать —
 Мы пропускашь ее должны! Послушай
 Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ
 И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
 Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню —
 Не грустную Шопландской вдохновенну,
 А буйную, вакхическую пѣснь,
 Рожденную за чашею кипящей.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Такой не знаю — но спою вамъ гимнь
 Я въ честь чумы: я написалъ его
 Прошедшей ночью, какъ распались мы.
 Мнѣ странная нашла охота къ рифмамъ
 Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
 Охрыпый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

МНОГИЕ.

Гимнь въ честь чумы! слушаемъ его!
 Гимнь въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (поетъ.)

Когда могущая зима,
Какъ бодрый вождь, ведешь сама
На насъ космашья дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
Навстрѣчу ей прещашъ камины,
И весель зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, Чума
Теперь идешь на насъ сама
И льстимся жашвою богашой;
И къ намъ въ окошко день и ночь
Спучишь могильною лопашой...
Чшо дѣлашь намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ ошъ проказницы зимы,
Запремся наакже ошъ Чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы;
Ушопимъ весело умы

И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе Чумы.

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнь и бурной шмы,
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы.

Все, все, что гибелью грозишь,
Для сердца смершнаго пашшь
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмершья, можетъ быть, залогъ!
И щаспливъ шощь, кто средь волненья
Ихъ обрѣшашь и вѣдашь могъ.

И такъ — хвала тебѣ, Чума!
Намъ не страшна могилы шма,
Нашь не смущишь швое призванье!

Бокалы пѣнимъ дружно мы,
 И Дѣвы-Розы пьемъ дыханье —
 Быть можешь — — полное Чумы!

(Входитъ старый священникъ.)

Священникъ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
 Вы пиршествомъ и пѣснями развраща
 Ругаетесь надъ мрачной пишиной,
 Повсюду смертию распространеной!
 Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
 Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
 А ваши ненавистные воспорги
 Смущаютъ пишину гробовъ — и землю
 Надъ мершвыми пѣлами попрысаютъ!
 Когда бы шариковъ и жень моленья
 Не освятили общей, смершной ямы —
 Подумаешь могъ бы я, что нынче бѣсы
 Погибшій духъ безбожника шерзуютъ
 И въ пшу крошвшную пащатъ со смѣхомъ.

Нѣсколько голосовъ.

Онъ масперски объ адѣ говоритъ!

Спупай, спарикъ! спупай своей дорогой!

Священникъ.

Я заклинаю васъ свяшою кровью

Спасишеля, распяпаго за насъ:

Прервите пирь чудовищный, когда

Желаеше вы вспрѣшишь въ небесахъ

Успраченныхъ возлюбленныя души —

Спупайте по своимъ домамъ!

Предсѣдатель.

Домà

У насъ печальны — юность любить радость.

Священникъ.

Ты ль эшо, Вальсингамъ? шы ль самый шошь,

Кшо при шому недѣли, на колѣнахъ,

Трупъ машери, рыдая, обнималъ

И съ воплемъ бился надъ ея могилой?

Иль думаешъ: она шеперь не плачешъ,

Не плачешъ горько въ самыхъ небесахъ,

Взирая на пирующего сына
 Въ пиру развраща, слыша голосъ пвой,
 Поющій бѣшенныя пѣсни между
 Мольбы свяшой и шаяжкихъ воздыханій?
 Сшупай за мной!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
 Меня шревожишь? Не могу, не долженъ
 Я за шобой ишши: я здѣсь удержанъ
 Опчаяньемъ, воспоминаньемъ спрашнымъ,
 Сознаньемъ беззаконья моего,
 И ужасомъ шой мершвой пушпошы,
 Колшорую въ моемъ дому встрѣчаю —
 И новостью сихъ бѣшеныхъ веселій,
 И благодатнымъ ядомъ эшой чаши,
 И ласками (просши меня Господь)
 Погибшаго, но милаго созданья...
 Тѣнь мапери не вызовешъ меня
 Опселъ — поздно — слышу голосъ швой,
 Меня зовущій — признаю усилья

Меня спаси... спарикъ! иди же съ миромъ;
Но прокляшь будь, кто за тобой пойдешь!

Многие.

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вопь проповѣдь шебъ! пошелъ! пошелъ!

Священникъ.

Машильды чистый духъ шебя зовешь!

Председатель (*встаетъ.*)

Клянись же мнѣ, съ подняшой къ небесамъ,
Увидшей, блѣдною рукой, оставишь
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
О, если бь онъ очей ея безсмертныхъ
Скрышь эшо зрѣлице! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
Гдѣ я? Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я шамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнешь уже...

Женскій голосъ.

Онъ сумасшедшій:

Онъ бредить о женѣ похороненной!

Священникъ.

Пойдемъ, пойдемъ...

Предсѣдатель.

Отецъ мой, ради Бога,

Оспавь меня!

Священникъ.

Спаси шебя Господь!

Прости, мой сынъ. (*Уходитъ. Пиръ продолжается. Предсѣдатель остается, погруженный въ глубокую задумчивость.*)